

I

Мне кажется, что в начале всё-таки было не Слово.

То есть в самом-то начале не было ничего. Совершенно буквально ничего не было. Не полная пустота, а пустая пустота. Ничего не было именно потому, что самого ничего тоже не было. Отсутствие отсутствия.

А потом кто-то, кого мы можем назвать Он, сказал Слово.

Во-первых, Он хотел оскорбить того, кто наступил Ему на ногу. Очень легко наступить кому-то на ногу, когда нет ничего, тем более Пространства и Времени.

Наступивший на ногу был Элохим, то есть Боги.

Не сколько-то Богов. Вообще-то на самом деле — один. Однако ничего не было, и количество ненаблюдаемого Элохим было не определено.

Его, количества, скорее всего, и не было. Поэтому Он и назывался Элохим.

Итак, Элохим наступил Сам Себе на ногу и произнёс Слово.

Обычно, чтобы оскорбить кого-то, надо назвать его чем-то, чем он на самом деле не является.

Элохим огляделся. Вокруг было ничто и Элохим.

«Ничтожество!» — крикнул Он, массируя ногу.

Нет, разумеется, у Него не было ног. Однако в ненаблюдаемой всевероятности отсутствие или наличие ног равновероятно. Пока никто не видел и не осознал ничего, Элохим мог быть лишь духом, носящимся над водой, а мог быть и слонихой в кружевном белье.

II

— Ну хорошо, — сказал Моисей, — я понял, что это чудо. Куст горит и не сгорает. Допустим, что это чудо...

— Ну что это ещё может быть? — устало спросил куст.

— Оптическая иллюзия, — сказал Моисей, почёсываясь. — Галлюцинация. Тут растут такие грибы...

— Ты их что, ел?.. — спросил куст.

— Нет, вроде. А может, это значит только, что у меня две галлюцинации: что куст горит и что я не ел грибы. А на самом деле куст не горит, и грибы я ел. Знаешь моего брата Арона?

— Конечно, знаю! — закричал куст. — Я Господь твоего народа! Я вас, козлов, всех знаю!

— Ну вот, он разговаривает даже с едой, которую ест.

Куст промолчал. Он размышлял о том, как плохо быть растением и не иметь крепких, сильных, подвижных конечностей, способных сжиматься в кулаки.

III

— Ты ещё тут? — удивлённо спросил Господь Иону. — Четыре дня во чреве кита — и он тебя так и не переварил?

— Да, — кротко ответил Иона.

— Потрясающе! — воскликнул Господь. — Чего только не бывает. Настоящий феномен. Интересно, как так вышло? Впрочем, вряд ли мы когда-нибудь узнаем.

IV

— Ты что, издеваешься? — спросил Моисей, опираясь на посох.

Разверзшееся Черное Море впереди шумело.

— Не понял? — озадаченно сказал Господь. — Что тебя не устраивает?

— Ты в канавку-то загляни, — сказал Моисей, тыкая пальцем в сторону моря.

Между двумя стенами живой воды простиралась чёрная полоса блестящего под вечерним солнцем ила.

— Ну и что тебя не устраивает? — произнёс Глас Божий.

— Аки посуху? — спросил Моисей. — Это что, аки посуху? Эта грязь метра полтора в глубину!

С небес раздался оглушительный вздох.

— Ну хорошо, — возгласил Господь. — Но часа через полтора она просохнет, правильно?

— Ну и держи тогда пока воду.

— А может, вы сделаете какие-нибудь такие штуки с прутьями, широкие, чтобы не завязать?

Моисей посмотрел на небо, как на ребёнка.

— Занеси лучше ил песком. Быстрее высохнет.

Иегова с грустью смотрел, как огромная толпа евреев утаптыкает мягкий влажный ил дна Чермного Моря.

Ему было тяжело.

У Него были всего две страсти в этом мире — евреи и трилобиты.

И трилобиты были вымирающим видом. Особенно теперь, когда четыре из последних пяти трилобитов, до сих пор кое-как чудом выживших в этом тихом, спокойном, мелком море, были растоптаны копытами и раздавлены колёсами Божьего Народа. Который вымирающим видом не был и быть не собирался.

Это был тяжёлый выбор — евреи или трилобиты.

Как только все евреи покинули дно моря, Господь отыскал раздавленные панцири и, аккуратно и бережно сложив части, превратил их в камень. Истинная красота должна быть вечной, считал он. Когда-нибудь кто-нибудь оценит всю красоту и изящество замысла. Может быть, потом.

Он посмотрел на толпу евреев, ждущих с другой стороны Чермного Моря. Четыре трилобита. Это нельзя оставить просто так. По десять лет за каждого, вот что. Сорок лет. Следующие сорок лет у них не будет шанса наступить на морское членистоногое. Разве что на тарантула или сольпугу — этих у Господа был запас.

С египетской стороны донёсся тысячеголосый шум: армия фараона преследовала евреев.

Господь хмыкнул. Он никогда не любил египтян. Тем более что египтяне пока не были вымирающим видом.

Египтяне были уже на середине Чермного Моря.

Господь сжал кулаки, услышав тихий хруст ещё одного панциря. Это уж слишком. Пятый трилобит был растоптан и раздавлен.

Ну уж нет, решил Бог. Так не пойдет. Сперва евреи, теперь трилобиты. Нет уж, что-нибудь одно.

Он быстро сомкнул воды над Армией Египетской, но это принесло лишь секундное облегчение.

Господь погрузился в раздумья, придумывая наказание для Египта. У Него впереди была вечность. Вечность на Птолемеев, Клеопатру, падение, разграбление и Коммунистическую Партию Республики Египет.

VI

— Нет, — сказал Моисей. — Там мы жить не будем. Там грязно. Моему народу не нужна Земля Обетованная, залитая чёрным каменным маслом. Оно воняет так, что кружится голова. Оно негодно ни к чему. И это пожароопасно. Кто у нас инспектор по пожарной безопасности?

Народ Израиля озадаченно молчал и переглядывался.

— Алё, я спрашиваю, кто у нас инспектор по пожарной безопасности?

— Ты, о рави?.. — промолвил кто-то.

— «Орави, орави», — передразнил Моисей. — Инспектор по пожарной безопасности наш есть Господь наш, что ведёт нас как столп дымный днём и столп огненный ночью. И что будет, когда Он пойдет по каменному маслу? Вы об этом подумали?

Моисей сделал паузу.

— Его же в клочки разорвёт! На мелкие части! Ну и нас заодно. Нет, никакого каменного масла. Идём дальше.

VII

— Проклятье! — воскликнул Ной, окидывая взором безбрежные воды. — Где этот чёртов голубь? Давно пора кормить удавов!

VIII

— Что, прямо над водой? — спросил Моисей, хихикая.

— Да, — сказал Господь угрюмо. — Прямо над водой.

— И Дух прямо так и носился? — спросил Моисей, расплываясь в широкой улыбке.

— Да, носился, — сказал Господь без удовольствия.

— И Слово было?! — продолжал Моисей, не в силах больше сдерживаться.

— И Слово было.

Моисей минут пятнадцать хохотал, приседал, хлопал себя по коленкам, успокаивался и начинал снова...

— Потрясающе, — сказал он, наконец, утирая слёзы. — Это всё надо записать, я Тебе говорю. Потрясная книга получится. На все времена. Люди будут смеяться до изнеможения.

— Запиши... — буркнул Господь. — Только у Меня одна просьба.

— Я весь внимание.

— Про кружева и хобот не надо, ладно? Если тебе не сложно...

IX

...Он слушал, как Слово затихает в отдаленье... вернее, в неотдаленье... в общем, как затихает Слово.

Слово не затихало.

— Чёрт, — сказал Элохим.

— Я! — ответил Элохим.

— Я образно! — воскликнул Элохим.

— Всё равно Я, — ответил Элохим. — Что бы Ты ни сказал, это буду Я.

— Я вообще имел в виду — что, началось?

— Сам прекрасно знаешь, — ответил Он Себе. — Понеслась по кочкам.

— Понеслась, понеслась.

Он вздохнул ещё раз и достал из-за спины большую Книгу в яркой обложке.

— Сложнее всего, — сказал Он Себе, раскрывая Книгу, — будет сделать, чтобы молоко убегало. И при этом всё на чистой термодинамике. Очень сложно.

Он начал с самого Начала. Первые строчки гласили: «Итак, Вы решили создать Вселенную».

X

— Слушай, — сказал Иов, — иногда у меня создаётся впечатление, что Ты антисемит.

— Ничего подобного, — сказал Господь. — Я люблю евреев.

— Мда? — Иов поднял руку и начал загибать пальцы. — Я славил Тебя?

— Славил, славил, — сказал Господь. — С утра до вечера славил.

— Благодарил? — проговорил Иов, загибая второй палец.

— Благодарил, благодарил, — сказал Господь.

— Потом на мой дом напали кочевники и угнали весь скот.

— Угу.

— Потом Ты разрушил мой дом и убил всех моих близких.

— Ну, вообще-то, это был не Я, — сказал Господь. — Вряд ли кто-то видел Господа Твоего сносящим дома. Но, в общем, ты прав. Продолжай.

— Потом Ты наслал на меня проказу.

— Ну да.

— А я Тебя продолжал славить.

— Продолжал.

— Я не понимаю, — воскликнул Иов, встав и начав расхаживать из стороны в сторону. — Ну что, трудно было на скоте остановиться?

Господь потёр переносицу.

— Вот за что я тебя люблю, — сказал он, — так это за то, что ты совершенно не понимаешь намёков.

XI

— А знаешь, что? — сказал Господь.

— Что? — сказал Иоанн.

— Когда всё это наконец кончится, мы устроим что-нибудь грандиозное! — воскликнул Господь.

— Что Ты имеешь в виду под «всё это»? — спросил Иоанн.

— Всё и имею в виду. Всю эту суматоху и шумиху, знаешь. Мир. Вселенную.

— А... — сказал Иоанн, не меняясь в лице.

— Знаешь, мы соберём всех-всех. Живых, мёртвых, евреев, неевреев, даже эскимосов. Всех. И там будет большой такой стол с закусками... Ты любишь морепродукты? В общем, понадобится какой-нибудь большой зверь. Вот. Выйдет из моря, и мы его зажарим.

— Угу.

— И там будет саксофонист. Такой парень, знаешь, с трубой, самый лучший. И он на ней будет играть, очень красиво. Мне всегда нравятся трубы. И ещё будет фейерверк. Это Я сам устрою. Знаешь, настоящий фейерверк. Какая-нибудь звезда: они всё равно больше не понадобятся... И ещё, Я уже договорился, будет шоу. Знаешь, для маленьких. Тут такая группа есть, четыре парня, они устраивают представление такое, и всё в седле. Детям нравятся лошади, Я знаю. И лошадям — дети... И там будут укротители. Знаешь, со львами. И дети смогут погладить живого льва, и всякие другие животные... А потом мы устроим вручение призов, знаешь, какие-нибудь мелочи и медали, только их получат все-все-все, просто каждый! Я Сам буду судить и вручать! — сказал Бог.

— Вот оно что.

— Ладно, — сказал Господь. — Что-то Я разоткровенничался. Я надеюсь, ты понимаешь, что это вечеринка-сюрприз.

— Я буду нем, как рыба, — сказал Иоанн.

«Конечно, он всё растреплет, — думал Господь, удаляясь. — Хорошо, что Я не рассказал ему про воздушные шарик, мороженое и так далее... И что все дети смогут покататься на слоне...»

XII

— Так, давай ещё раз, — сказал Моисей, поднимая скрижали.

— Слушай, тебе не надоело? — спросил Господь, лениво потягиваясь.

— Это же Закон Для Моего Народа! Ну скажи, я что-нибудь забыл?

— Не знаю... Ты записал про день субботний?

— Записал, — сказал Моисей, сверяясь со скрижалями.

— Тогда всё.

— Тут ещё «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй»...

— Это ты сам решаешь... Ты про фиолетовое исподнее записал?

— Мы от неё отказались.

— Ну ладно... А знаешь что...

— Не знаю!

Господь встал со скалы и прошёлся чуть-чуть, почёсывая живот.

— Запиши ещё так: «Молочные соусы не сочетаются с мясом диких животных».

Моисей опустил занесённое зубило.

— Опять?.. Мы же договорились, никаких кулинарных советов! Заветы, а не советы!

Господь помрачнел.

— Ха! — сказал он мрачно. — Мы не едим свинину, мы не едим крольчатину, мы презираем раков, мы отрицаем угря — и мы не даём кулинарных советов! Пиши, Моисей, пиши!

XIII

Иудеи явно теснили иерихонцев.

— Разве Ты не горд народом Своим, когда видишь это поле брани? — спросил Иисус Навин с сияющей улыбкой.

— Ну понимаешь... Я вообще не очень люблю драки. Неужто нельзя всё решить переговорами? — сказал Господь.

— Разве это слова, достойные мужчины?! — удивился Иисус Навин. Его нельзя было назвать «светлым». «Хитрым», «умным»... Но не «светлым».

— В том всё и дело, — сказал Господь. — Понимаешь, дело в том, что когда всё только начиналось, мужчины уходили далеко на весь день, в поле или на охоту, а женщины оставались дома. Поэтому Я решил, что мужчинам не помешает уметь писать стоя... А потом оказалось, что это приспособление влияет на мозги...

XIV

— Грехи? Какие грехи? — воскликнул Бог. — Первый раз слышу о каких-то грехах!

Он вытащил изрядно потрёпанную книгу в жёлтой обложке. Книга была озаглавлена большими буквами «Творение для чайников. Станьте Творцом Всего За Семь Дней При Помощи Простых Иллюстрированных Примеров!!!»

— Тут ничего не сказано о грехах! — воскликнул Он. — Никаких грехов!

— Ну не знаю, — сказал Авель. — Ты же выгнал папу с мамой за яблоко. Они совершили грех и Ты их выгнал.

— Первый раз слышу, что это было «за яблоко». Кто тебе это сказал?

Авель кивнул в сторону Змия.

— Опять ты, Отец Лжи! — воскликнул Господь.

— Натаниэль, если хочешь. — сказал Змий. — Для друзей я Натаниэль. Меньше официоза.

— И что это за грехи? — спросил Господь.

— Ну грехи... В общем, Ты говоришь людям, что им нельзя делать, я подбиваю их делать это. После смерти мы все втроём собираемся и судим да рядим, кто победил — Ты или я. И так силы Добра и Зла сражаются за каждого человека.

— Во-первых, что значит «каждого»? Ты представляешь, сколько их будет через, скажем, семь тысяч лет?!

— Тем интереснее игра, — сказал Натаниэль.

— Во-вторых, нельзя как-нибудь обойтись без Меня? В конце концов, Я не Добро и не Зло. Я Всё.

— Ты упустишь возможность так хорошо развлечься?

Господь задумался.

— Ерунда. Все знают, что нельзя делать то, что Я приказал. То есть что я приказал не делать. В общем, кто согласится тебя слушать?

— Да были тут двое... — сказал спокойно Змий. — Знаешь, одного звали Адам... Второго Ева...

— Ну хорошо. Двоих ты выиграл. Но этот — Мой.

— Не думаю, — сказал Змий. — На нём грех его отцов, и он не искуплен.

— Ну, у него только один отец, вообще-то. Если, конечно, ты не постарался.

— И тем не менее. Он отправляется в Ад. Пока кто-то не искупит его грех.

— Эй! Ты, там! Не шути так! — воскликнул Авель, начиная нервничать.

— Погоди, это что, все дети будут виноваты в грехах родителей? Так не пойдет.

— Ну его родители ослушались самого Тебя...

— Ты же сам сказал, что грех — это когда ослушаются Меня.

«Чёрт, — подумал Натаниэль. — Когда это мы подружились с логикой?»

— И потом, — продолжал Господь, — как Я вообще когда-нибудь выиграю? Они все будут их дети! Даже эскимосы! Так не пойдет.

Значит так. Никаких душ в Аду. Понятно? Ещё не хватало держать там живых... мёртвых людей. Где Я буду хранить вилы, серпы, инструмент всякий?.. В общем, ты Меня понял.

Натаниэль промолчал. В его сознании всплыло слово «дезинформация».

XV

Адам переминался с ноги на ногу, а Ева спокойно сидела на траве и ковырялась в зубах.

— Принесли? — спросил Глас С Небес.

— Угу, — сказал Адам. — Плодов от дерева и злаков от поля... и..

— Ну неважно, — возгласил Господь. — Теперь... э...

Раздался звук перелистываемых страниц.

— Теперь вы, ребята, должны приносить Мне все эти овощи в дар и поклоняться Мне.

— Зачем? — спросил Адам. — Ты не мог сам набрать? В конце концов, они всё равно твои.

Господь молчал несколько секунд, затем сказал:

— Слушай, тут сказано: «Никаких зачем». Так положено. Вы приносите Мне их в дар и поклоняетесь. В этом суть Веры.

— А там ничего не сказано про суть Здравого Смысла? Не вижу никакого смысла приносить Тебе в дар то, что Ты даруешь нам. Ты сам несколько часов назад сказал, что это Дар Твой.

— Ну знаешь, — сказал Господь, — мы ведь все вместе делаем это в первый раз. Давайте хоть раз сделаем всё как надо, а потом уже будем рассуждать, о'кей? Мне самому это всё нравится ещё меньше, чем вам. Просто принеси Мне их в дар, и мы все свободны до вечера. Договорились?

— Ты здесь Босс, — сказал Адам. — Я надеюсь, Ты что-нибудь с этим сделаешь. Чрезвычайно глупо это, вот что я об этом думаю.

— Просто сложи чёртовы овощи в чёртову корзину и скажи, что приносишь их Мне в дар и тем поклоняешься Мне! — воскликнул Господь, начиная гневаться. — Я же сказал, Мне Самому это всё нравится ещё меньше, чем вам!

— Да пожалуйста, — обиделся Адам. — Вот Твои овощи. Забирай. Тем я поклоняюсь Тебе.

Ева невозмутимо посмотрела на небеса, сорвала травинку и начала её жевать.

Господь перелистнул страницу.

— Тут сказано, что ты должен сжечь их, чтобы дым возносился ко Мне. И испытывать при этом благоговение...

Адам громко и отчётливо фыркнул.

— Знаешь что, — сказал Господь торопливо. — Не надо. Я их съем так. Спасибо большое, очень мило с вашей стороны принести Мне целую корзинку отборных овощей. Буду рад видеть вас снова.

XVI

— Хорошо, — сказал Господь, делая маленькие пометки в блокноте. — Мы уже убили на это весь день. Почему Мы так ничего и не сделали?

— Потому что Мы настаивали на смертельных лучах, исходящих из глаз, — ответил Господь. — И наплевать, что он прожигает себе череп насквозь, когда закрывает глаза.

— И что, это всё, что ли?

— Нет, ещё Мы хотели, чтобы он мог двигать горы одной рукой и летать без крыльев. А когда Мы предложили Нам реактивное движение, Мы сказали...

— Ладно, ладно, — сварливо сказал Господь. — У нас есть хоть что-нибудь?

Господь указал на маленькую фигурку из глины.

— Пф-ф! Мы бы ещё из пластилина слепили, в самом деле! — воскликнул Господь. — Ну хоть что-нибудь у него будет?

Господь задумчиво почесался.

— Не думаю.

— Как, совсем? Он же задумывался по образу и подобию Нашему!

Господь пожал плечами.

— Ну ладно, будем считать это временным решением.

XVII

— Ну а дальше-то что? — спросил Господь.

— Ну, он его обманул, понимаешь, — сказал Натаниэль терпеливо. — Он выдал себя за старшего, подал отцу похлёбку из ягнёнка и тем самым отнял у того право первородства. То есть отец его благословил, и тем он отнял...

— Похлёбка из ягнёнка... — задумался Господь. — Я надеюсь, бульон был светлый? Знаешь, если не снимать пену, он будет довольно противный. А какая была заправка? Из муки или из крупы?

— Да я откуда знаю! — воскликнул Натаниэль. — Он отнял у старшего брата право первородства. За похлёбку.

— Не говори глупостей, — сказал Господь строго. — Первородство — это кто первым родился. С какой стати отец решил заняться этим сейчас? У них какие-то споры об этом были?

— Да нет, — потерянно сказал Натаниэль. — У них там разница в несколько лет...

— Ну вот и не глупи. Будут ещё решать сейчас, кто когда родился. Иди и скажи им, что всё это глупости и не считается. И спроси, чем он заправлял похлёбку.

Натаниэль исчез.

«Не понимаю, — подумал Господь, — почему именно он у Нас секретарь по связям с общественностью».

XVIII

— Нет-нет-нет, — сказал Господь. — Никаких мрачных святылиц. Во-первых, вот тут повесим окорок.

— О-ко-рок, — записал Соломон. — А зачем Тебе окорок?

— Мне — незачем, — объяснил Господь. — Но вдруг кто-то, пребывая во Храме, захочет есть? Подошёл так, отрезал кусок, рубанул мяска... Ну тут ещё хлеба положите.

— Хорошо. Хле-ба, — скрипел Соломон карандашом.

— И освещение поприличнее. Пускай лампы горят, о'кей?

— Лампы — это само собой. Ещё что-нибудь?

— Ну и пускай у входа постоянно танцуют полуобнажённые девушки, вот что.

— Это зачем?! — удивился Соломон.

— Будем привлекать молодёжь к религии. Да, и ещё: каждую пятницу надо устраивать какие-нибудь спортивные соревнования. Кегли там... или что-то в этом роде.

— Я постараюсь, — сказал Соломон. — Но кегли не обещаю.

— Постарайся, постарайся, — сказал Господь. — Во славу-то Мою можно и постараться.

XIX

— Смотри, — сказал Иоанн-Креститель, выкладывая камешками схему на песке. — Вот тут — я. Вот Иордан. Вот так примерно стоит толпа. Он появляется отсюда. Я окунаю Его и говорю насчёт того, что на самом-то деле Он должен крестить меня, Он слегка отнекивается. Тем временем река светлеет...

— Хорошо... — возгласил Господь, шелестя страницами. — Светлеет — так светлеет. Я надеюсь, ты понимаешь, что это будет самое настоящее чудо? Там выше по течению казармы и кожевенный завод.

— Я знаю, — вздохнул Иоанн. — Крестьящиеся уже давно жалуются на то, что крещение дурно пахнет...

— Но-но, — строго сказал Глас Божий. — Без двусмысленностей! Мы тут не шутки шутим.

— Ладно, — сказал Иоанн-Креститель. — А потом, я думаю, должно появиться какое-нибудь сакральное животное.

— Что такое «сакральное животное»? — заинтересовался Господь.

— Ну какое-нибудь животное, символизирующее Твою чистоту, мудрость и так далее. Знаешь, я думал о чём-нибудь солидном, заметном, чтобы все сразу видели, что Он — Сын Божий...

— Это о чём это? — спросил Господь настороженно.

— Ну, знаешь, наверное, это глупо, но я думал... хм... я думал о слоне. Слоны очень умные, добрые, они большие, так что никто потом не сможет сказать: «Какой слон? Не видел я никакого слона! Тебе померещилось!» И слоны — очень чистые животные...

— Никаких слонов, — сказал Господь твёрдо. — Не разрешаю. Всё. Даже не думай об этом.

XX

— Я им говорил, — вздохнул Лот. — Но разве стали слушать они меня? Всё вотще.

— Не говори, оборзели, — сказал Господь. — Как ты сказал? Ваще?

— Во-тще. То есть напрасно, — объяснил Лот. — Бесмысленно.

— Ну, тогда ясно, почему они не стали слушать, — сказал Господь. — Тебя без словаря не поймешь. Хм. Неудобно получилось.

XXI

— Ну, на самом деле всё не так уж плохо, — сказал Господь, осматривая Еву. — Конечно, есть что доделывать, но куда лучше, чем пробная версия.

— А с пробной что будем делать? — спросил Господь.

— Ну... Наверное, тоже оставим, — сказал Господь, подумав. — Там тоже есть пара интересных идей. Но недоделки, недоделки... Вот хотя бы этот маленький кусочек, вроде бы — мелочь, но им же каждый раз придётся его отрезать...

XXII

— Здравствуйте, добрые люди! — сказал Господь, поглаживая бороду.

— Здравствуй, эээ... добрый человек, — неуверенно сказал один из волхвов.

— Пастух, — подсказал Господь.

Волхвы огляделись.

— Видите: посох и овца. Пастух, — настойчиво повторил Господь.

— Это... да... как это там. Ме-е... — уныло сказала овца.

— Видите?

Волхвы слегка расслабились. Один из волхвов слез с верблюда и подошёл поближе к пастуху.

— Скажи, а ты тут ничего подозрительного не видел? — спросил он, оглядываясь.

— Ну, вообще, если честно, минут пять назад... — пастух задумался. — Ну минут пять назад тут появлялся такой светящийся ангел, с большим таким мечом, и возвестил нам всем, пастухам, что родился Мессия, и мы идём Ему поклониться и принести Ему наши скромные дары. Как, по-вашему, это очень подозрительно?

Овца громко фыркнула и затрусилась вдаль, цокая копытами.

— Ну, вообще-то, знаешь, — сказал волхв, провожая овцу взглядом, — нам показалось, что мимо нас эти самые пять минут назад пробежал слон...

— Не видел никаких слонов, — сказал пастух, — откуда тут слоны? Это же не Африка, правда?

— Ну, в общем, да... — сказал волхв. — Хотя у Ирода, кажется, есть слон в зверинце. Может, сбежал?

— Нет, — сказал пастух твёрдо. — Причём тут слоны? Вы что, охотники на слонов? Ребята, вы не туда приехали. Тут слонов нет.

— Да не охотники мы, — сказал волхв. — Мы тоже несём дары новому Царю Иудейскому.

— Ну, тогда причём тут слоны? — спросил пастух проникновенно. — Что вы прицепились к бедному слону? Ну бегаёт и бегаёт, посевов не портит, поля удобряет. Давайте больше не будем про слонов. Эй, ты куда?!

Овца, успевшая убежать довольно далеко, обернулась и, вздохнув обречённо, побрела назад, бормоча что-то себе под нос. Ей смертельно хотелось закурить.

— А это — моя овечка, — сказал пастух. — Это много ценного меха, овечий сыр и свежая баранина. Сюда иди! Я зову её Натаниэль.

Овца подошла к пастуху и, усевшись в пыли у его ног, принялась чесать задней ногой за ухом.

Ошеломлённые волхвы посмотрели на неё, пошептались и снова повернулись к пастуху.

— Скажи, почтеннейший, а этот самый ангел не сказал тебе, где конкретно родился мессия?

— А то, как же! — воскликнул пастух. — Я уже ро... э... Мессия уже родился и сейчас отдыхает в яслях вон там, в том миленьком, защищённом от всех ветров хлеву, и разные приятные животные согревают Его своим тёплым дыханием. Несколько овец, пара коз, одна лошадь и один ослик. Никаких слонов. Видите, вон там?

Волхвы во все глаза уставились на большущий неоновый стенд с надписью «Мессия Приглашает Поклониться Ему И Принести Дары».

Пастух с размаху пнул овцу. Та с коротким меканьем пролетела полметра и снова уселась в пыли, бормоча что-то. Стенд, мигнув, погас.

— Как я уже говорил, я отправляюсь туда, — сообщил пастух. — Можете следовать за мной. Натаниэль, поднимай задницу.

Волхвы спешили и поплелись следом за пастухом, ведя верблюдов на поводу.

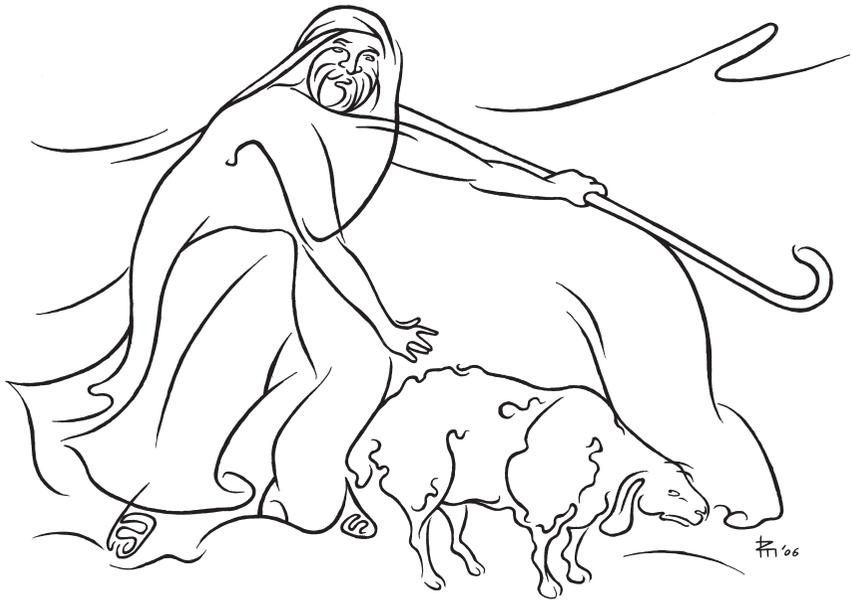
— И что же вы приготовили новому Царю Иудейскому? — поинтересовался пастух через плечо.

— Ну, у нас тут... — откликнулся самый старший, Балтасар. — У нас тут золото...

— Молодцы, — сказал пастух. — Ещё что?

— Ну, ещё у нас ладан и смирна. Знаешь, для курений и бальзамирования... Символично, всё такое.

Пастух и овца переглянулись. Овца пожала плечами.

— Вы нашли, что новорожденному подарить. Вот у Меня тут, — пастух похлопал по своей сумке, — огромный набор замечательных пелёнок, детского питания и масло для купания. Всё гипоаллергенное, витаминизированное и с нежным ароматом лимона. Ну, кроме питания. Там есть брюссельская капуста и печёночный паштет, пригодятся через полгода, но Мне больше понравились протёртые яблоки. Знаете, готов есть протёртые яблоки часами, просто часами. И, опять-таки, полным-полно железа, очень полезно. Хотя, конечно, как посмотреть: думаю, в более зрелом возрасте это железо причинит Нам некоторые хлопоты! — пастух засмеялся.

Волхвы, уже не пытаясь ничего понять, просто тянули своих верблюдов за уздечки.

Высоко в чёрном небе сияла белая звезда.

XXIII

— Ну и что Я сделал?.. — холодно спросил Господь, глядя на Себя. — Что Я Меня под руку толкаю? Это вообще-то самая важная часть была!

— А что такое-то, что случилось? — спросил Господь виновато.

— Ты Сам не видишь? Чему Пи теперь равно? Трём? Это Ты называешь «три»?

Господь прикинул и похолодел.

— Оно вообще где-нибудь кончается? — спросил он тихо.

— А что, похоже, что оно равно основанию натурального логарифма?

Господь прикинул ещё раз.

— Ты вообще понимаешь, что это значит? — закричал Господь, брызгая слюной. — Кто вообще когда слышал о скорости света? Я не слышал! Миллионы, ты понимаешь! Миллиарды лет! Я хотел закончить к следующему вторнику!

Господь виновато молчал.

— Миллиарды лет до Апокалипсиса! Это как надуть шарик и потом миллионы лет ждать, пока он сдуется! Она будет пульсировать, ты понимаешь? Тут течёт, тут падает... Пройдет вечность, прежде чем она досчитается!

Господь всё ещё молчал.

— А ты представляешь, как тяжело будет людям с нецелым количеством пальцев на руках? Как они будут считать? Что, десятками? Очень мило, десять, двадцать, сто... Да они же будут поголовно сумасшедшими!

XXIV

— Ну, может, ты хоть скажешь, что мы должны делать? — спросил Адам.

— В смысле? — сказал Господь. — Делайте что хотите.

— Ну я не знаю, приоритеты-то обозначь! — воскликнул Адам.

— Да пожалуйста. Секс. Как можно больше секса. Максимум секса. Столько секса, сколько вы сможете вынести, — сказал Господь.

— Э... — сказал Адам. — Секс? Это чтобы размножаться? Плодиться?

— Ну это тоже можно, да, — согласился Господь.

XXV

— Нет, — твёрдо сказал Господь, — никаких этих ваших «на речке, на речке, на том бережочке». Между. Никаких «на». В Эдем ничего не должно втекать, — Господь открыл «Творение для чайников. Стань Творцом Вселенной За Семь Дней При Помощи Простых Иллюстрированных Примеров!!!» посередине и протянул Натаниэлю. — Видишь, согласно... — Он развернул книгу к себе. — Согласно фэн-шуй. Никакой текущей воды.

— А как же рыба, а? — спросил Натаниэль. — Как это рыба в этот твой садик приплывать будет?

— Никак, — сказал Господь. — Зачем нам рыба? У нас полно дичи и птицы.

— Но свежая-то вода нужна! — воскликнул Натаниэль. — Засохнет твой Эдем и всё!

— Ты что, глупый? — осведомился Господь, доставая блокнотик. — Вот сюда смотри. Вот Эдем, так? Вот тут озерцо. Из него вытекает речушка, так? А вот уже снаружи она делится на... скажем... Тигр, Евфрат, ну ещё... так... Фисон и Гихон. И всё это вот так вот... — Господь неровно нарисовал квадрат. — Вот оно вот так вот огибает Эдем. И всё водоснабжает.

— Дражайший, — сказал Натаниэль. — Мелиоратор из Тебя никакой. Поверь мне. Вот эти Твои реки — они далеко друг от друга. И они никак не вытекают из ручейка.

— Давай сам дальше, а? — сказал Господь, выдирая листок из блокнота и вручая его Натаниэлю. — Кто тут, в конце концов, Хитрая И Лживая Тварь? Придумай что-нибудь. Вперёд!